

В Диссертационный совет 24.2.379.07,
созданный на базе ФГАОУ ВО «Самарский
национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»
443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1

ОТЗЫВ

официального оппонента д.ю.н., профессора Бойко Александра Ивановича на
диссертацию к.ю.н., доцента **Голенко Дианы Викторовны**
«Концептуальные основы построения Особенной части российского
уголовного закона», представленную на соискание ученой степени доктора
юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки
*(659 машинописных страниц, включая библиографический список из 667
источников информации и 3 приложения на 38 страницах, 72 публикации по
теме исследования, автореферат на 43 страницах)*

Безусловно право любого автора научных сочинений на самостоятельный выбор предмета своего увлечения. Но для работ, претендующих на официальную аттестацию, личные желания и предпочтения приходится подчинять общественным нуждам. Соискатель учёной степени в силу этого обязан считаться с требованием **актуальности социально-юридической проблемы**, заявленной им как предмет исследования, и аргументировать это. Находим, что по этому параметру рецензируемый труд не просто отвечает ожиданиям специалистов, но даже должен особо приветствоваться. Доводы к этому таковы: а) любой объект, включая уголовный закон, демонстрирует обособленное существование благодаря внешней обусловленности и внутренней упорядоченности, что с неизбежностью формируется под давлением агрессивной среды и результатов приспособления к ней посредством опоры на защитный каркас содержания или структуру; б) последняя понимается обыкновенно как поэлементное устройство объекта и устойчивость связей между элементами его содержания; в) уголовное право, имея своим назначением социальное управление (ст. 2 УК – охрана благ и предупреждение преступлений), то есть выступая как открытая система, «должно» представлять и действительно представляет собой как раз набор логических стандартов поведения, рассчитанных на типовые ситуации и человека «среднего» пола, национальности, ума и т.д., а значит, суть жестко структурированный объект. При сем его структурная композиция наглядно представлена на уровне закона – субъективно формализованного властями и письменно материализованного слепка стихийно вызреваемых в недрах общества коллективных защитных правил, текст которого разбит на части, разделы, главы и статьи, что сообщает значительную порцию достоверности как аналитикам структурных построений в уголовном законе, так и их критикам. Позволим извлечь из приведённых формулировок следующий экстракт: разговор о структуре уголовного закона и причинах её обновления в

Входящий № 106-656a
Дата 18 СЕН 2024
Самарский университет

современный период, отягощенный активной новеллизацией УК РФ, состоятелен и нужен, что и предприняла соискательница.

Кажется, отечественная юриспруденция преодолевает временное отвержение ценности структурных исследований, перестала отождествлять их исключительно с юридической техникой или догматикой (Г.И. Муромцев, А.П. Семитко), стала видеть в конструктивизме особый способ рационализации нормативного содержания (В.М. Сырых), а виднейшие адепты правоведения даже утверждают, будто «собственное развитие права, его самобытная история – это под известным... углом зрения во многом и есть история становления и совершенствования юридических конструкций», а «достоинство юридической системы» определяется «совершенством юридических конструкций» (С.С. Алексеев). Медленно реанимируется прежнее уважительное отношение к правовым конструкциям, назначение которых вновь усматривается в том, что они служат «инструментом познания правовых явлений, моделью урегулированных правом общественных отношений» (А.Ф. Черданцев). В общем, структура и ее отдельные конструктивные проявления уже не считаются предметом схоластических упражнений юристов, якобы самовлюбленно ограничивающих себя узкими дисциплинарными рамками и не желающих (не могущих?) обсуждать социальное содержание права.

С программой исследования и его техническим структурированием в основном следует согласиться: эволюция структурных преобразований отечественного и зарубежного уголовного закона с акцентом на внутреннем структурировании его Особенной части – отдельно и в сравнении национального и иноземного опыта (раздел I) → теоретико-методологические основы и парламентская практика построения Особенной части действующего УК РФ (раздел II) → прогнозирование структурных изменений Особенной части российского УК и авторские рецепты по обеспечению качества обновлений (раздел III). В основном, то есть без существенных изъянов программа сопрягается с принятыми в науке гносеологическими ориентирами (определение объекта и предмета, цели и задач работы, авторское обоснование методологии и наиболее приемлемых для темы методов, а также нормативной и теоретической базы, экспериментальной основы диссертации, прогноз теоретического и практического значения исследования, доказательства апробация текущих и итоговых результатов многолетнего труда в профессиональном сообществе криминалистов), а в тексте работы она последовательно реализована.

Основной реквизитный компонент диссертация (**Введение**) выписан с соблюдением выработанных в отечественной юридической науке параметров, а по содержанию – основательно и убедительно, пусть и с незначительными логико-стилистическими погрешностями. Такому же благожелательному приговору подлежит **Заключение** (с. 536-549), в котором сконцентрировано выводное знание. Авторское понимание концептуальных основ конструирования Особенной части уголовного закона подробнейшим

образом и отдельно от основного содержания изложено в Приложении № 1 на с. 622-645, а теоретический фонд аргументов подкреплен справочными данными об изменениях и дополнениях действующего Особенной части УК РФ за 27 лет его существования с распределением новелл по разделам и главам, с динамикой их статейного наполнения в абсолютных цифрах и процентном отношении (Приложение № 2 на с. 646-650) и результатами опроса специалистов отрасли по самым сложным вопросам темы (Приложение № 3 на с. 651-659). Находим эти вспомогательные сведения весьма интересными и полезными для придания позициям соискательницы большей транспарентности и доказательственной силы.

Свидетельствуем для членов диссертационного Совета, что в **первом разделе** диссертации, как это и объявлено в плане, Д.В. Голенко обстоятельно и квалифицированно представила и оценила накопленные в России и за рубежом идеи и опыт выделения и структурирования Особенной части уголовного законодательства. Столь же ответственно отнеслась соискательница и к работе над **вторым разделом** своего труда, где последовательно проанализированы теоретико-методологические основы (причины и пределы взаимообмена положений Общей и Особенной частей, важность соблюдения межотраслевых связей и их учета при обновлении содержания Особенной части) и собственно технические приемы конструирования. Наконец, в **третьем разделе** изложены взгляды диссертанта по поводу стратегии и перспектив развития Особенной части отечественного уголовного законодательства (типичные ошибки парламента, рассогласование статей, дефекты структуры закона, выдвижение и обоснование основных идей и путей обновления Особенной части УК РФ). Вывод очевиден: **план исследования реализован**. Особо отметим, что в нужных местах и в разумной консистенции собственные рассуждения автора подкрепляются обращением к статистическим данным и примерам из следственно-судебной практики, а также устойчивым позициям уголовно-правовой доктрины и самобытным взглядам отдельных ученых.

Отсюда, а также с учетом чрезмерного объема и скорости обновления Уголовного кодекса, часто хаотичного и бессистемного, осуществляемого по случайным поводам, а не по статистически подкрепляемым тенденциям социального развития и устойчивым изменениям отечественной преступности, находим более полезным для аттестации Советом проделанной диссертанткой работы заменить ожидаемый поглавный и потому дежурный разбор текста строго по его структуре обстоятельным отзывом по наиболее важным позициям, к которым автор возвращается несколько раз, в различных структурных частях своего детища. Побуждает оппонента к такому шагу и то диковинное обстоятельство, что рецензируемое сочинение представляет собою тот редчайший случай, когда скрупулезный анализ основного содержания диссертации теряет смысл, ассоциируется с натужным трудом эпического Сизифа, ибо для концентрированной дискуссии по «концептуальной» теме вполне достаточно

проверки содержания (или формы изложения содержания) основных позиций автора и результатов его исследования, содержащихся в положениях на защиту, Заключение и приложениях.

Достоинств или позитива в рецензируемом сочинении гораздо больше нежели действительных, предполагаемых либо даже мнимых (придуманных) упущений, заявить о существовании которых в сфере диалогичного гуманитарного знания не сложно. А потому (справедливость требует) приведем первоначально те положения работы, которые заслуживают поддержки и признания в силу новаторства, важности и обоснованности:

1) в структуре Введения имеются редкие для диссертаций юристов, но вполне резонные разделы о гипотезе и этапах исследования (соответственно с. 15 и 17-18);

2) во Введении подробно (с. 17-20) описан механизм применения автором частных методов анализа, от чего юристы обычно уклоняются, приводя лишь перечень познавательных приемов; аналогичным образом представлена эмпирическая база работы (с. 21-22);

3) очень хорошо, что предметом исследования избрана структура именно «письменного» уголовного закона» вместо «нематериального» уголовного права. Выбор не просто удачен, а выстрадан, поскольку акцентировано (с. 23, положение № 3) заявлена мысль, что Особенная часть – это «структурный компонент уголовного закона, а не уголовного права». Как оздоравливающе звучит это в атмосфере отраслевой науки, большинство представителей которой «замахиваются» на изучение якобы уголовного права, но на деле ни на йоту не отходят от «материального» (наглядного) текста закона, подтверждая данной алогичностью нетленность фразеологизма из Священного писания «темна вода во облацех» и даже справедливость американской поговорки «ваши догадки так же верны, как и мои»;

4) очень хорошее начинание Д.В. Голенко заключается в попытке выдвинуть обязательные для парламента «правила построения диспозиций статей Особенной части уголовного закона» из двух пунктов. В них, по ее мнению, нужно отражать: «а) признаки только такого деяния, которое признано преступным с учетом всех принципов и правил криминализации; б) признаки оконченного преступления, совершенного исполнителем» (положение № 12 на с. 29). В данном случае автор близко подошла, но чуть-чуть не дотянулась до формулирования идеального варианта конструирования диспозиций основного состава в статьях Особенной части: один объект + одно деяние + одно последствие + один субъект/исполнитель + одна форма вины) – все отступления от данного идеала постепенно перекочевывают в Общую часть УК;

5) заслуживает поддержки по существу и оценки как авторское достижение положение о том, что «ни одна статья Особенной части уголовного закона не описывает полностью ни норму права, ни состав

преступления», а попытки найти соотношение между нормой права и статьей уголовного закона привели всего лишь ко введению в научный оборот понятий «нормативное предписание» и «нормативное положение», которые «не являются специфическим для отрасли уголовного права» и не используются в нем (Заключение, с. 545-546);

б) абсолютно новым для отраслевой науки является (обоснованное) предложение диссертантки о необходимости выделения и учета 3-х уровней внутриотраслевых рассогласований (10-й вывод в ЗаклЮчении на с. 550-551).

«Несть человек, иже жив будет и не согрешит». Как и вышеприведенный библейский императив банальна мысль, будто нет и не может быть научной продукции, для оценки которой не нашлось бы порции критики, пусть и самой благожелательной, из разряда упущенной выгоды. А благородный смысл процесса публичной защиты даже приглашает к поиску погрешностей соискателей – для того, чтобы предоставить последним дополнительные возможности объяснения и усиления своих позиций, а членам диссертационного Совета – для проверки полноты, качества и достоверности аттестуемого труда. Разумеется, возможность выдвижения замечаний и пожеланий оппонентам часто «дарят» сами соискатели (Д.В. Голенко не стала исключением из этого ряда), а вот достойное реагирование на них и есть самый лучший вариант подтверждения претензий автора диссертации на присвоение учёной степени доктора наук.

Наши сомнения, возражения и пожелания по рецензируемой работе таковы:

1. «Обещание», судя по названию диссертации, выработать и придерживаться именно «концептуальных основ» именно «построения» Особенной части уголовного закона не выдерживается в работе даже на уровне оглавления. *Во-первых*, в нем употребляются многочисленные и различные по объему и инструментальной направленности словосочетания «концептуальные начала», «теоретические основы», «методологические предпосылки», «техника построения», «теоретико-методологические основы», «мировоззренческие предпосылки», «стратегии развития», «основные пути» и «основные идеи» построения структуры Особенной части УК РФ. Предположительно, подобное разнообразие вербальных обозначений генеральных расчетов по структурированию второй части уголовного закона обусловлено стремлением к изяществу текста диссертации, но ведь есть требования научной строгости, а если ей следовать, м.б. и необходимости в чрезмерном объеме текста в 659 страниц не случилось бы.

Во-вторых, соискательница приняла на себя труд разобраться с многовековой эволюцией построения Особенной части уголовного закона, ее последним вариантом в действующем УК РФ и внести предложения по унификации (совершенствованию) данной государственной (парламентской) работы. Если исключить архитектурную и строительную области, то на энциклопедическом уровне под **строением** понимается «взаимное расположение частей, частиц в составе чего-либо, внутреннее устройство

чего-либо; проще говоря, его структура», а под **построением** процесс создания жесткого каркаса или структуры возводимого объекта. Автор же в своей работе постоянно выходит за данные рамки, включает в предмет внимания и обсуждения вопросы криминализации и пенализации, социализаторской нагрузки, совершенства официальных наименований структурных элементов Особенной части УК, качества законодательного языка.

Например, вывод № 4 на с. 545 Заключения звучит так: «Ее (Особенной части – *Опп.*) **содержание** должно быть обосновано разработанными в доктрине правилами и принципами криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации)»; в положении № 5 (с. 24) заявлено, «что Особенная часть уголовного закона – не просто юридико-технический компонент уголовного кодекса. Ее **содержание** обусловлено внешними факторами. Законодательная техника Особенной части уголовного закона служит отражением содержания, концепций и идей, лежащих в основе принятого нормативного правового акта». Но проблема построения (выделения и внутреннего структурирования) частей закона не угадывается в этих строках; они прямо нацелены на объяснение содержания Особенной части внешними детерминантами; в следующем положении на защиту (п. 6 на с. 24) акцент, судя по тексту, опять делается на социальной детерминированности (с упором на национальное своеобразие, противостоящее глобализации) содержания Особенной части отечественного уголовного закона.

В-третьих, изучение текста аттестуемой работы убеждает в том, что ее автор концентрируется на исследовании предпосылок, механизмов и условностей выделения в структуре отраслевого закона Особенной части целиком и в значительно меньшей степени – анализирует принципы и практику ее внутреннего структурирования.

2. В положении № 10 на защиту (с. 28) и 6-м выводе Заключения на с. 541 читаем: «Именно последовательность структурных компонентов Особенной части уголовного закона отражает социальную обусловленность закона». Закономерны вопросы с оттенком возражения: а) а сама общественная опасность посягательств, вызвавшая их криминализацию, не относится к социальной обусловленности Кодекса?; б) имеется в виду весь закон или только его Особенная часть? в) отражение социальной обусловленности закона на основе последовательности расположения структурных компонентов (групповых объектов охраны) Особенной части УК весьма субъективно, что доказывается критикой парламента учеными и предложением автора о личной реконструкции закона в данном свете (с. 542). Тот же изъян присутствует и в 4-м выводе Заключения на с. 540: «Особенная часть уголовного закона должна быть единственным источником уголовно-правовых норм» (вообще, всех норм?).

3. К удивлению оппонента, основной массив неточностей, противоречий и прочих погрешностей сосредоточен в понимании того, как

сочетаются либо должны сочетаться Общая и Особенная части уголовного закона, в том числе по линии структурирования их положений. Вот подтверждения:

а) вопреки первоначальной позиции, будто «Особенная часть уголовного закона... **строится на основе иных правил**, чем его Общая часть» (с. 7), в положении № 7 на защиту (с. 25) утверждается, что «Общая и Особенная части уголовного закона **должны быть связаны едиными идеями**, совместными ценностями, концептуально и содержательно не противоречить друг другу, **строиться на основании общих принципов** и быть органически согласованы посредством инструментария законодательной техники (нумерация, терминология, наименование структурных компонентов и т.д.)»;

б) поскольку Д.В. Голенко постоянно называет вторую часть «парным структурным компонентом» всего Кодекса, закономерно предположение, что концептуальную модель структуризации положений Особенной части УК нельзя строить обособленно от Общей. Однако следуют не очень убедительные обоснования противоположного – автономности второй части УК: «поскольку время принятия нового уголовного закона или его новой редакции неизвестно, целесообразно выработать понимание именно концептуальных основ построения Особенной части уголовного закона, которая строится на основе иных правил, чем его Общая часть» (с. 7); «Особенная часть, хотя и является парным структурным компонентом уголовного закона, однако сама представляет собой подсистему закона, которая структурируется, а равно наполняется содержанием по своим правилам, отличным от правил построения Общей части» (с. 8). При этом хотя бы в сокращенном варианте не приводятся концептуальные правила построения Общей части, как и конкретные различия структурирования обеих анклавов;

в) поиски определенности в связке с точностью требуют обращения к положениям на защиту. Из данного центрального фрагмента узнаем, что: во-первых, «отделение специального от общего, не противоречащего (ему, последнему? – *Опп.*) по содержанию и выраженного в надлежащей форме, с точки зрения законодательной техники, и есть основная цель построения этого компонента закона»? (положение № 3, с. 23); а во-вторых, что кодификация уголовного законодательства «подарила» стране (обособленную в структуре закона и так специально названную) Особенную часть, впервые содержащую исчерпывающий перечень преступлений (положение № 4 на с. 23-24). Но обособление новой части в едином целом логично предполагает одновременную консолидацию оставшейся части, в нашем случае появление Общей части. Более того: при кодификации главное не в «отделении» специального/особенного от *несуществующего пока общего*, а «выделении» общего методом абстрагирования из давно существующего, но не консолидированного конкретного/особенного. Появление первого полновесного акта по борьбе с преступностью в истории

России (Уложения 1845 года) ознаменовалось обособлением в его структуре Общей части, что называется «с нуля», а это олицетворяет то обстоятельство, что профессиональное сознание стало способным к синтезированию универсальных правил, выработанных многовековой практикой уголовного преследования по несброшюрованным специальным правилам;

г) в диссертации косвенно игнорируется приоритет выстраданных положений Общей части закона над предписаниями Особенной, который (приоритет) аксиоматичен для науки: да и сами концепции как предельные мысли появляются с того момента, когда люди начинают различать «лес среди деревьев», то есть переходят к абстрагированию. Эта прописная истина, вероятно, сработала, ибо на с. 15-16 «самостоятельные концептуальные основы Особенной части российского уголовного закона» акцентированно объявлены «необходимой частью целостной концепции российского уголовного закона» и добавлено, что «приращение оригинального научного знания о построении Особенной части российского уголовного закона достигается», помимо прочего, «формулированием основ взаимодействия Общей и Особенной частей уголовного закона (с. 16). Однако в положении № 7 на защиту (с. 26) встречаем почти противоположную мысль: «внесение изменений в Особенную часть УК РФ, которые создают концептуальные противоречия внутри закона и строятся на иных началах, чем те, которыми руководствовался законодатель в момент создания закона, требуют пересмотра положений Общей и Особенной частей УК РФ или отказа от изменений». Такая установка, на наш взгляд, неверна: пересматривать, отменять или менять универсальные положения Общей части УК в силу появления не согласующихся с ними поправок в отдельные статьи Особенной части принципиально нельзя, а сами поправки в силу противоречия их содержания базовым установлениям закона не следует даже принимать к рассмотрению;

д) 6-й пункт выводов в Заключение (с. 542) изложен автором чрезмерно осторожно: «Целесообразным является (*полное или частичное?*) совпадение в наименовании объектов охраны, обозначенных в Общей части уголовного закона, с объектами преступлений, обозначенных в наименовании разделов (*а глав?*) Особенной части уголовного закона». Да, нет; парламент обязан обеспечить такое соответствие абсолютным образом. Но это не всё: требуется полное совпадение названий основных благ и ценностей, подлежащих уголовно-правовой охране, в тексте ст. 2 УК РФ и наименованиях структурных компонентов Особенной части; соискательница неправомерно ограничивает область тождества вербальной маркировкой только разделов; отсутствует критика того обстоятельства, что в действующей редакции ч. 1 ст. 2 УК РФ к объектам государственной охраны акцентировано отнесены не все блага и ценности, оформленные разделами Особенной части (VII, VIII, XI), но при этом в списке особо важных ценностей в Общей части выделены те, что представлены в Особенной части главами (19, 21, 26).

4. **Частности:** а) авторская концепция построения Особенной части уголовного закона почему-то в самом полном (исчерпывающем) виде размещена как отдельное Приложение (№ 1) к диссертации, а не в ней самой; б) некоторая доля двусмысленности присутствует в представлении такой реперной точки исследования как **объект** научного поиска: в представлении диссертантки его составляют «общественные отношения, связанные с формированием и изменением Особенной части уголовного закона» (с. 13) вообще, а не с ее структурной композицией.

5. **Упущенная выгода:** а) общие для современной отраслевой науки и совершенно справедливые сетования по поводу растущих объемов Особенной части УК РФ и возникающих в силу этого нагромождений и диспропорций в тексте уголовного закона диссертантка разделяет, но развивает предложением усложнить структуру Особенной части уголовного закона введением в качестве факультативных компонентов параграфов (пп. 6 и 12 выводного знания в ЗаклЮчении на с. 547 и 552). Подробностей в тексте рецензируемого труда о том, как это сделать и тем улучшить системность распоряжений государства по борьбе с преступностью, нет, а оговорка о необязательности параграфирования текста закона национальным парламентом предоставляет ему еще большую свободу действий и может привести на практике к совершенно непредсказуемым результатам. В то же время в списке использованной литературы Диана Викторовна указала последнюю часть трехтомника оппонента (именуемого в целом «Система и структура уголовного права») под названием «Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции». В его первой главе обсчитана средняя нагрузка на основные структурные компоненты кодифицированного отечественного законодательства по борьбе с преступностью за все время в виде количества статей на разделы и главы и названо это «**индексом структурирования уголовного закона**». Правомерен вопрос на защиту: полагает ли соискательница актуальным данный прием совершенствования структуры Особенной части уголовного закона? Ведь упомянутый индекс, будучи вычисленным до уровня оптимального показателя, сможет оказать положительное влияние и на правоприменительную практику в смысле снижения коллизий и конкуренции правовых норм;

б) диссертантка, при обсуждении статей как низового уровня структурирования Особенной части уголовного закона, неоднократно обращается к вопросам качества санкций в плане их наполнения видами наказаний и диапазоном последних, что логично. Утверждается, причем на уровне выводного знания (п. 11 ЗаклЮчения на с. 551), наличие *взаимосвязи между построением Особенной части уголовного закона и практикой ее применения, толкования*. Если это так, то с учетом 1) обслуживания обеими нормативными анклавами закона (Общая и Особенная части) институтов преступления и наказания, 2) поголовного юридического образования и 3) увеличения объемов и скорости изменения УК РФ было бы правильным и

полезным оценить перспективу перехода к «типовой санкции» или «типовому наказанию», позаимствовав данный метод из опыта уже несуществующей ГДР, для чего классификацию наказаний в Общей части следует построить по тому же критерию, что и классификация преступлений, а не по порядку назначения;

в) в диссертации не заявлена позиция по отношению к перспективе введения в УК РФ официального Приложения, представляющего собой «Терминологический словарь терминов и понятий», к чему давно призывает множество криминалистов страны, а пионером на сей счет когда-то выступила незабвенная Нинель Федоровна Кузнецова, и что могло бы дисциплинировать самого законодателя;

г) соискательница провела солидное обследование истории структурирования первых законодательных актов Руси и более поздних, кодифицированных памятников по борьбе с преступностью, придерживается установившейся с XIX века традиции делить уголовный закон на две части, а в Особенной его части сортировать статьи по единству объекта посягательств. Странно, что на этой основе в тексте диссертации не употребляется латинизм «пандектность»:

д) в этом же русле как упущенная выгода выглядит еще один изъян. Поскольку автор не отвергает, а твердо придерживается давно прижившегося в России метода распределения статей по главам и разделам Особенной части на основании объекта посягательств и даже предлагает усложнить ее структуру с помощью параграфов, нужно уточнение представлений о классификации объектов преступлений по т.н. «вертикали». Причина – в научной и учебной литературе по уголовному праву ситуация тревожная: специалисты отрасли, как ни странно, усматривают присутствие в «типовом» законе «непосредственных» или натуральных объектов и расквартировывают их в статьях Особенной части УК, видовые же объекты ассоциируют с главами, а родовые – с разделами. Поскольку «непосредственные» объекты посягательств бывают лишь в жизни, но не в законе, прижившийся терминологический ряд следует трансформировать в сторону понижения, отчего у разделов Особенной части не окажется словарного маркера. А он давно (еще в 1980 году) предложен профессором Ю.И. Ляпуновым и назван «интегрированным объектом». Сожальительно, что автор специализированной научной работы по структуре Особенной части уголовного закона не воспользовался возможностью улучшить впечатление от своего предприятия посредством развития сложившихся представлений о классификации объектов посягательств.

В обязанности любого рецензента от науки входят, помимо прочего, **прямые ответы на самые главные вопросы**, оттеняющие состоятельность претензий соискателя на научное признание его труда. В этом свете заверяю членов Совета, что помимо социально-политической значимости исследования Д.В. Голенко, положительное заключение по которой уже зафиксировано нами в начальной части Отзыва, оно отвечает и остальным

критериям, предусмотренным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства РФ (в ред. от 25.01.2024 года), а именно: а) **новизна работы** в части темы, избранных методов анализа, включения в поле исследования свежих источников, количества и важности полученных результатов присутствует, что обозначено нами в предыдущей части Отзыва; б) пути к максимально возможной степени **обоснованности** и **достоверности** научных положений, выводов и рекомендаций, в итоге сформулированных в тексте диссертации и автореферата к ней, соискательница убедительно обосновала во Введении и неуклонно следовала им, в результате чего данный критерий следует считать подтвержденным; в) **значимость результатов** исследования для науки и практики имеется, выражается в развитии отраслевой доктрины на данном направлении (базовые идеи и соображения по обновлению самого крупного раздела Уголовного кодекса РФ) и разработке целого комплекса методических напутствий для Федерального Собрания Российской Федерации (Концепция построения Особенной части российского уголовного закона в форме приложения № 1 объемом 25 страниц); г) **текст автореферата** достаточно полно и без искажений отражает содержание самой диссертации; д) **количество авторских публикаций** (72), их *профильность* (в первую очередь 6 монографий и учебных пособий, 26 статей в журналах, включенных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых ею научных изданий, одна – в издании, входящем в международную реферативную базу и систему цитирования), *«разброс»* книг и статей по издательствам (2) и журналам (10 периодических изданий Перечня ВАК только по первой группе публикаций), *заблаговременность* их появления в печати (первые статьи по теме – в 2010 году, т.е. за 14 лет до защиты) позволили юридическому сообществу страны задолго до защиты и качественно оценить состоятельность претензий Д.В. Голенко на присвоение ей ученой степени доктора наук; е) **личный вклад** соискательницы в разработку проблемы концептуальных основ структурирования Особенной части уголовного законодательства России бесспорен, поскольку она выявила, заявила, обсудила и представила собственное мнение по значительному числу аспектов проблемы; ж) по своему содержанию диссертация полностью соответствует заявленной **научной специальности 5.1.4 – уголовно-правовые науки**.

На основании изложенного находим, что рецензируемая **диссертация является самостоятельной завершённой научно-квалификационной работой**, в которой на основании выполненных автором исследований решена **научная проблема, имеющая важное социально-политическое, управленческое и культурное значение**, разработаны концептуальные основы законодательства в Особенной части Уголовного кодекса РФ и предложены новые, более совершенные технологии структурирования основного нормативного акта по противодействию преступности, что будет способствовать устойчивости и гармоничности правовой системы страны,

совершенствованию правоприменительной деятельности и росту законопослушного поведения.

Таким образом, рецензируемая работа Дианы Викторовны ГОЛЕНКО «Концептуальные основы построения Особенной части российского уголовного закона» соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук на основании абзаца 1 пункта 9 и пунктов 10-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (в редакции от 25.01.2024 г.), а Д.В. Голенко заслуживает присуждения учёной степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления-филиала
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

(научная специальность: 12.00.08 – уголовное
право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Бойко Александр Иванович

«13» сентября 2024 г.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

Телефон: 8 (863) 203-63-39

E-mail: bai-53@mail.ru



Подпись	
Заверяю	
	Ф.И.О. работника подпись Ф.И.О.
Начальник отдела кадров Южно-Российского института управления - филиала РАНХиГС	